

ВОСТОК И «НОВЫЕ» ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Эта статья позволит вам получить представление о том,

- в каком направлении идет процесс углубления культурно-цивилизационных различий между развивающимися и развитыми странами на современном этапе;
- какие в Восточной Азии появились концепции развития, альтернативные индивидуалистической западной парадигме;
- в чем особенность проявления проблем терроризма и этноконфессиональных конфликтов в афро-азиатском мире;
- как воздействуют на развитие стран Востока демографический и экологический факторы;
- почему энергетическая проблема стала на Востоке одной из ключевых.

1. Межцивилизационные конфликты, сепаратизм, терроризм и этноконфессиональные конфликты

Нарастание культурно-цивилизационных особенностей на современном этапе

Ранее в основе цивилизационных различий и межцивилизационных противоречий лежали не столько экономические, сколько социально-религиозно-культурные факторы. Тем не менее именно экономические факторы сыграли существенную роль в нынешнем изменении глобальной обстановки. Накануне Второй мировой войны все страны Азии и Африки, включая Японию, неимоверно отставали от Запада по всем экономическим и социальным параметрам. Это отставание и осознание своей «второсортности» обуславливали, с одной стороны, приниженное состояние других автохтонных цивилизаций по отношению к европейской, а с другой — безграничные заимствования, безотносительно к тому, соответствовали ли они местным условиям.

В послевоенные десятилетия положение довольно существенно изменилось. Успехи в экономическом развитии, наряду с рядом политических событий (корейская, вьетнамская, афганская и др. войны), изменили отношение афро-азиатских народов к европейской цивилизации. В экономическом плане они продемонстрировали способность конкурировать на чужих рынках и поддерживать более высокие темпы роста, в том числе и душевого дохода. С военно-политической точки зрения превосходство европейской цивилизации оказалось далеко не бесспорным: в лучшем случае европейско-американским силам удалось сохранить лицо. В техническом плане они показали способность не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования: самостоятельное создание атомного оружия в Китае, Индии и в Пакистане — наглядный тому пример. В данных условиях прежняя приниженность и преклонение перед европейцами исчезли. Более того, в общественном мнении наиболее продвинувшихся стран существует убеждение, что в недалеком будущем они смогут догнать и даже превзойти США и Европу.

В конце века Восток переживал настоящий религиозный ренессанс. На Юге резко усилилось влияние религии на государство и правительство. До середины 50-х годов колониальные власти, состоявшие в преобладающей мере из граждан метрополии, в лучшем случае нейтрально относились к местным религиям, а в худшем — дискриминировали их, поощряя насаждение христианства. Поэтому местные религии сохранялись, так сказать, на бытовом уровне. С провозглашением политического суверенитета правительственные органы стали формироваться из местных граждан, обладавших тем же ре-

лигиозным сознанием, что и прочие жители данной страны. Более того, под влиянием национализма, растущей массы обнищавших и маргиналов религия стала приобретать воинствующий характер, особенно в исламском мире.

Новые теории развития зоны Юга

В восточной политологии появились новые концепты на основе противопоставления «индивидуалистического» Севера «коллективистскому» Югу. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением западных стран после распада bipolarной системы на развивающиеся государства в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистической западной парадигме: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

Здесь начали активно прорабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которые включают семью как оптимальную модель организации, сильную клановую систему, дисциплину и повиновение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных ценностей и объяснить их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь абсолютно необходимой модернизации, но четко показать ее неполное совпадение с вестернизацией. Таким образом, мы имеем дело с реальной попыткой синтеза восточных и западных норм. Как это ни парадоксально, концепция выполняла в Сингапуре модернизирующую функцию, постепенно видоизменяя мен-

талитет населения в сторону сближения с западными нормами.

Впервые об азиатских ценностях заговорил первый премьер-министр Сингапура (1959–1990) Ли Куан Ю, который для объяснения огромных социально-экономических успехов некоторых стран Азии утверждал, что главным фактором столь быстрого роста в Азии был упор на подчинении авторитету группы, трудолюбию, семье, сбережениях и образовании. Интересно отметить, что, наряду с «отцом сингапурского экономического чуда», основными теоретиками данной концепции стали представители высшей бюрократии страны, получившие европейское образование: дипломат Томми Кох, бывший посол в США Чан Хенг Чи и бывший посол в ООН Кишори Махбубани.

Томми Кох перечислил 10 основных составляющих «азиатских ценностей»: избегание излишнего индивидуализма; поддержание крепкой семьи; преклонение перед образованием; бережливость и высокая норма сбережений; напряженная работа; коллективное взаимодействие в масштабах страны; достижение азиатского социального контракта; восприятие всех граждан как организаторов коллективного дела (членов коммуны); развитие всего, что морально благотворно; отсутствие абсолютной свободы прессы. Чан Хенг Чи отмечала, что от либеральной демократии азиатские ценности отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жестко иерархизированной бюрократией.

Концепция «азиатских ценностей» получила широкое распространение в Восточной Азии. Особую роль в продвижении данной теории сыграл премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад (1981–2003), способствовавший превращению Малайзии в современное государство с развитой экономикой, одно из самых передовых государств исламского мира. Его характеристика «азиатских

ценностей» весьма близка к взглядам сингапурских коллег: ориентация на коллективизм и семью; уважение к власти; иерархично выстроенное общество; патерналистское, нелиберальное и сильное государство.

Данная концепция обрела множество поклонников в Китайской Народной Республике, в том числе и на самом веру, которые неявно, но настойчиво используют ее для оправдания специфики развития КНР в области демократии и соблюдения прав человека. При этом наблюдается стремление соединить традиционные принципы и социалистическую систему (конфуцианство оказывало существенное воздействие еще на первого лидера КНР Мао Цзэдуна).

Среди противников идеи азиатских ценностей в Восточной Азии следует упомянуть в первую очередь политических деятелей, ориентирующихся на западное сообщество, это Далай-лама, бывший президент Тайваня Ли Дэньхуэй, лидер оппозиции Мьянмы Аун Сан Су Чи, бывший заместитель премьер-министра Малайзии Анвар Ибрагим и другие. Западные исследователи, как правило, отрицают значимость данной концепции.

Процессы отчуждения от западной цивилизации

На общем фоне возрождение цивилизационных ценностей, начавшееся после достижения политической независимости, в последние два десятилетия сменилось отчуждением от основ европейской цивилизации. Особенно оно ускорилося с началом исламской революции в Иране. Напомним о провозглашении приоритета исламских ценностей и создании исламских республик (Пакистан, Иран, Мавритания и др.), постепенном возрождении идей превосходства желтой расы в Японии с 1980-х гг. Эксперты отмечают рост политического индуизма и индусского коммунизма в Индии. Не случайно в республике у власти в 1998–2004 гг. находилась «Бхаратия джаната партия» (Индийская народная партия). Вряд ли в от-

ношении нее можно полностью принять традиционный западный термин «партия индусских националистов», но она и не скрывает своих самых тесных связей с коммуналистской «Семьей сангха» («Раштрия сваямсевак сангх» — «Союз добровольных служителей нации», «Вишва хинду паришад» — «Всемирный совет индусов», «Баджранг дал» — «Отряд сильных»), откуда партия и вышла. Появилась ветвь воинствующего буддизма, первоначально в Шри-Ланке, наконец, восстанавливаются традиционные культы в ряде африканских стран. Не менее важны и повседневные «мелочи» — отказ от использования некоторых европейских предметов, слушания музыки, просмотра кинофильмов и пр., наблюдающийся даже в образованных семьях азиатских стран.

Процесс возрождения традиционных ценностей и отчуждения от многих ценностей европейской цивилизации порожден рядом разнородных причин. К ним относятся: существование значительных масс населения в системе традиционных отношений и проживающих ниже черты бедности, особенно в крупных странах, попытки части элиты достичь своих политических целей за счет запугивания образом внешнего врага, эйфория от первых несомненных успехов, размывание абсолютного превосходства европейской цивилизации и пр. Однако, возникнув, эти процессы начинают самовоспроизводиться. Поэтому представляется, что нарастание отчужденности в социально-психологической и религиозно-культурной сферах сохранится на достаточно длительное время. В свою очередь, эти расходящиеся цивилизационные особенности оказывают влияние на формирование механизма развития, методы и формы его деятельности и т.п. В результате возникают не только разнотипные национально-производственные структуры, но и закрепляются цивилизационные отличия.

Представляется, что крайне усилившаяся взаимозависимость мира касает-

ВОСТОК И «НОВЫЕ» ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

ся, прежде всего, экономических и политических реалий. Эндогенные процессы, особенно в культурно-цивилизационной сфере, отличаются все большим своеобразием. Часто обращается внимание на поверхностные факторы. Действительно, мода и вкусовые привычки молодежи едины почти во всем мире. Европейский деловой стиль характерен для бизнесменов любой национальности. Практически нет стран, где не проводились бы выборы в законодательные органы, внешне соответствующие западным демократическим принципам. Однако на глубинном уровне в очень многих регионах нет сходства по существу с тем, что принято считать единичными базовыми нормами западной демократии.

Это интересно. Наступление европейской техники, науки, образования и массовой (американизированной) культуры в настоящий момент не ведет к созданию одностороннего мира, а, напротив, вызывает на Юге своеобразную реакцию отторжения. Данное отторжение может принять форму исламского фундаментализма, африканского негритюда, воинствующего индуизма и прочее. Даже в Японии происходит оживление традиционных религиозно-культурных представлений.

Наибольшее отторжение европейских норм и ценностей характерно для исламского общества. Исламский мир представляет собой настоящий суперрегион. «Мусульманская дуга» тянется от северо-запада Африки до юго-востока Азии, проходя и по территории России. В социально-экономическом плане здесь заметна огромная дифференциация. Помимо стран-нефтеэкспортеров и государств, вошедших в число достаточно благополучных стран (среди них есть потенциальные региональные лидеры, как, скажем, Индонезия и Иран), существуют многие мусульманские государства, находящиеся в тяжелом положении. Несмотря на внешнюю помощь, экономический рост здесь не поспевает за ростом населения. Когда не происхо-

дит развития экономики и она стагнирует или деградирует, то вместо формирования новых цивилизационных общностей переживают ренессанс старые культурные пласты, и культурные, религиозные и цивилизационные аспекты становятся ведущими в общественной жизни.

Единство исламского мира проявляется не в экономической, а, скорее, в политической и особенно — в культурной сфере. Исламское общество, в отличие от западного, отдает предпочтение не личным интересам индивида, а «коллективистскому» развитию (одно из значений слова «ислам» по-арабски «покорность»). Не случайно было бы трудно привести пример успешной демократизации мусульманской

страны по западному образцу. Очень многие эксперты в качестве такого образца часто называют Турцию, что вряд ли представляется убедительным. Модель развития Турции, находящейся в тесном цивилизационном контакте с Европой,

тесно связанной с Севером экономическими и военно-политическими связями в течение 60 лет, стремящейся стать членом Европейского Союза в течение 40 лет (в связи с чем специально задавались параметры, отвечающие требованиям Европы), по-прежнему серьезно отличается от западных норм (достаточно отметить постоянные вмешательства армии в гражданскую жизнь, во многом в последнее время связанные с ростом влияния исламистов).

Судя по событиям, происходящим в ряде афро-азиатских стран, в ближайшем будущем число теократических мусульманских государств может заметно возрасти. Во внутренней политике такие государства руководствуются традицией (устной или письменной). Во вне-

шнюю политику они пытаются перенести исламские представления, далеко не всегда совпадающие с международно-ценностными.

Проблемы терроризма

Наращение отчужденности между исламским миром и Севером представляет неизбежным. Одновременно исламский мир может попытаться использовать единственное оружие, которым он располагает в этом противостоянии: рост исламского экстремизма и радикализма. По-видимому, современный международный терроризм — лишь внешнее проявление культурного расхождения.

За последнее время международный терроризм превратился в одну из основных угроз глобальной, региональной и национальной безопасности. По всей видимости, это стало одним из негативных последствий проходящего процесса глобализации, прежде всего в информационной сфере. Система современных коммуникаций позволяет устанавливать и углублять взаимосвязи террористических организаций, базирующихся в любых уголках земного шара; планировать совместные акции и координировать действия; добывать фактически всю необходимую информацию (от предложений о закупке оружия до инструкций о создании самодельных бомб); получать финансовые средства; вербовать новых сторонников и боевиков и т.д.

При анализе международного терроризма особо следует выделить пропагандистскую деятельность, которая является его важнейшей составляющей. Главной задачей террористов является не осуществление самих террористических актов (этот метод и механизм), а запугивание населения, принуждение его к неадекватной реакции и давлению на правящие структуры, чтобы те осуществили выгодные террористам шаги. Так, недавние террористические акты в Испании, осуществленные исламистами, привели к смене правящей партии и объявлению новым правительством о выводе

испанских войск из Ирака. Средства массовой информации (прежде всего, телевидение) являются основным проводником идей террористов, поскольку именно через них последние и осуществляют нужное им психологическое воздействие на население.

Террористическая деятельность вышла за пределы национального государства. Многие политики и эксперты пытаются утверждать, что международного терроризма не существует и он якобы основан на национальном принципе. Однако в этом случае очень сложно ответить на вопросы, каким образом уйгурские боевики из Синьцзяна сражались в Чечне, а чеченские бандиты — в Афганистане, каким образом синхронизированы действия исламистских террористов — от Индонезии до Марокко и т.д.? Сейчас же можно говорить о едином исламистском террористическом фронте, который имеет общие базы и тренировочные лагеря, полностью координирует свою деятельность, придерживается единой тактики и стратегии.

Сейчас мы являемся свидетелями двух основных тенденций. Во-первых, политический терроризм (свойственный в первую очередь Европе) и национальный терроризм (борьба за самоопределение — Северная Ирландия, Курдистан, Пенджаб и т.д.) стали иметь меньшее значение. На первый план вышел религиозный терроризм. К сожалению, в рамках всех мировых религий, как и многих национальных, появились свои террористические организации. Наибольшее звучание приобрел, естественно, исламистский терроризм.

Этноконфессиональные конфликты

Одним из главных новых вызовов в постбиполярном мире стала проблема национального и религиозного взаимодействия/отторжения. Этноконфессиональные конфликты называются в качестве основополагающих угроз в доктринах национальной безопасности различных стран, в стратегических концепциях раз-

личных военно-политических и экономических организаций. Этнические и конфессиональные конфликты на Востоке объясняются социально-экономическими, культурно-цивилизационными и историческими факторами. Именно политика европейских колонизаторов, которые в целях укрепления своего положения проводили традиционный курс «разделяй и властвуй», предоставляли привилегии то одним этноконфессиональным группам, то другим, противопоставляя их друг другу, вела к резкому росту напряженности. Нередко меньшинства занимали более привилегированное положение в государственном аппарате и экономике, что вызывало недовольство большинства населения.

Это важно. Этнические и конфессиональные конфликты в Азии часто не совпадают друг с другом, и можно говорить о них раздельно. Этнический фактор играет очень большую роль на Востоке, но религиозные противоречия в целом еще более значимы.

Религиозный ревайвализм, тесно связанный с ростом радикализма и экстремизма, наглядно проявляется в буддийском ареале. Данное обстоятельство особо четко показывает глобальные измерения этого феномена, поскольку буддизм традиционно воспринимается как самая мирная и миролюбивая религия. Вместе с тем в Южной Азии, например, буддийская сангха (единое сообщество монахов) становится воинствующей при столкновении с представителями других религий.

Так, в Бутане на рубеже 1980–1990-х гг. под давлением буддистской общины были приняты законы (признание только языка дзонг-кэ, требования носить традиционную бутанскую одежду, прически и соблюдать буддийские обычаи и ритуалы, ограничения на въезд граждан Индии), которые привели к волнениям среди лиц непальского происхождения (индуистов) и их столкновениям

с армией. Власти обвиняют оппозицию (т.е. треть своего населения) в «терроризме», но те полагают, что проводится политика «бутанизации» и идет целенаправленное выдавливание лиц, отличных в религиозном плане. Сейчас в специальных лагерях в Непале и Индии проживают более 130 тыс. беженцев из Бутана. Интересно отметить, что в страну категорически запрещен ввоз любой небуддийской литературы (в том числе и индуистской).

В Шри-Ланке некоторые буддийские священнослужители-фанатики стали, по существу, инициаторами антитамильских погромов в июле 1983 г. Именно после этого конфликт между сингалами и тамилами перерос в гражданскую войну, к 2005 г. унесшую жизни более 70 тыс. человек.

В настоящий момент значительная часть буддийской сангхи в Шри-Ланке ставит знак равенства между этносом и конфессией, низводя буддизм до уровня национальной религии.

Любопытно, что в подавляющем большинстве индийские северяне сейчас поддерживают в Шри-Ланке тамилы (индуисты), выходцев с дравидского юга Индии, а не сингалов (буддисты), выходцев с «арийского» севера.

Индийскому обществу после завоевания независимости удалось прийти к достаточному единству взглядов на главные внутривнутриполитические и внешнеполитические макропроблемы. Национальное согласие в Индии — не только свод правил политического общения, но и неотъемлемая часть национальной традиции и культуры. Однако именно конфессиональный фактор не дает возможности полагать, что в Индии выработана исключительно продуктивная модель национального согласия. Мусульманская община Индии — огромный пласт общества — во многом вытолкнута из этого национального согласия, и в отношении ее крайне слабо реализуются основные принципы

политического компромисса. Есть сомнения в полной включенности в политическую элиту страны мусульманских верхов. В Индии постоянно происходят межобщинные столкновения (наиболее крупномасштабные события за последнее время произошли в штате Гуджарат весной 2002 г.). В некоторых местностях страны происходят и преследования христиан.

Реализация лозунга хиндутвы, т.е. установления индуистского образа жизни для всех, может вызвать стремление к единообразию, а именно плюрализм является основой индийской цивилизации. Его подрыв как минимум может повлечь за собой серьезные политические последствия, а худший сценарий будет означать начало распада государства.

Еще более рьяно отстаивают свои религиозные принципы мусульманские государства Южной Азии. В Мальдивской Республике, в которой на туризм приходится треть ВВП, в знак солидарности с палестинцами отказывают в выдаче виз гражданам Израиля. В Бангладеш ислам играет значительно меньшую роль, чем в большинстве мусульманских стран. Однако дискриминация индуистского населения нередко принимает такие формы, что происходит массовая миграция в Индию (следует, безусловно, учитывать и социально-экономические факторы). Она достигает таких масштабов, что Индия то начинает сооружение непроходимых участков на 4-тысячекилометровой границе с Бангладеш, то объявляет о намерении начать ее минирование.

Религия играет особую роль в Пакистане (не случайно реформация ислама носила в Индии коммуналистский характер задолго до завоевания независимости), который пытается всячески сохранить национальную индивидуальность перед лицом Индии, доминирующей в Южной Азии (в том числе и в культурной сфере). Вот что об этом сказал пакистанский ученый Вахиз-уз-Заман: «Если арабы, турки, иранцы откажутся от ислама, арабы все равно останутся арабами, турки — турка-

ми, иранцы — иранцами. Но что останется от нас, если мы откажемся от ислама?» Теория двух наций основоположника Пакистана М.А. Джинны противопоставляется, таким образом, концепции единой нации М. Ганди. Правда, следует отметить конфессиональные различия — между суннитами и шиитами — в Пакистане.

Усиление исламистского радикализма и экстремизма в Пакистане имеет самые негативные последствия и для внутреннего развития Индии, тем более что, по исламскому канону, иудеи и христиане имеют статус «покровительствуемых», а индуисты, как представители политеистической религии, должны перейти в ислам или быть уничтожены. Рост политического ислама в Пакистане оказывает прямое воздействие, с одной стороны, на мусульманское население страны, а с другой — на индуистские шовинистические силы и приводит к укреплению политического индуизма уже в самой Индии.

Религиозные противоречия особенно негативно влияют на индийско-пакистанские отношения. Более того, в этой сфере отличия между двумя странами существуют в наиболее опасной форме: определенная степень культурно-цивилизационного сходства при наличии различных религий. В условиях глобальной тенденции к усилению религиозного реваншизма противоречия между Индией и Пакистаном могут лишь углубляться.

В целом религиозный фактор более значим и в Восточной Азии. Мусульмано-христианские столкновения в Индонезии и на Филиппинах, рост политического ислама в Юго-Восточной Азии, определенная дискриминация христианского меньшинства в Северо-Восточной Азии и Индокитае в настоящий момент являются более важными факторами, чем этническая напряженность, которая, безусловно, также существует в регионе. В этом плане несколько отличается Китай, в котором очень остро стоит проблема этнических меньшинств, чьи национальные районы занимают 60% территории страны.

На Ближнем и особенно Среднем Востоке ситуация складывается весьма своеобразная. Религиозный реваншизм именно в этом регионе создает одну из основных угроз глобальной безопасности. При этом на уровне национального государства превалируют этнические конфликты (противостояние пуштунов с таджиками, узбеками и туркменами в Афганистане; курдская проблема, прежде всего в Турции и Ираке; начинающаяся конфронтация арабов с приезжими из Индии, Пакистана, Филиппин и т.д. в нефтедобывающих странах Персидского залива; берберский вопрос в Магрибе). Интересно отметить, что наиболее острые формы противостояния характерны для стран, ранее входивших в Османскую империю, в которой практически отсутствовала национальная дискриминация и не наблюдалось стремления к стиранию этнических различий.

Этнические конфликты превалируют и в Африке, где, правда, существует турбулентная зона по разделу Северной и Тропической Африки. Здесь открыто проявляются религиозные противоречия между арабизированным и африканским населением.

В Африке в постбиполярный период важную роль продолжают играть межгосударственные конфликты, основанные на этноконфессиональных противоречиях. В других частях мира значение конфликтов подобного типа в межгосударственных отношениях снизилось. Следует, правда, выделить уже отмечавшиеся индийско-пакистанские противоречия, конфликты на постсоциалистическом пространстве и палестино-израильский «узел».

Что касается конфликтов на постсоциалистическом пространстве, то их можно условно также «записать» в специфический вариант гражданской войны, поскольку речь идет о бывшей единой территории. Кавказ и Центральная Азия стали геополитически-

ми регионами после распада социалистической формы государственности, объединявшей этносы, на протяжении длительного исторического периода находившиеся в весьма сложных отношениях друг с другом. Этот распад привел к тому, что исторические противоречия между этносами и бывшими советскими республиками или их субрегионами стали проявляться в открытой форме. Здесь до сих пор не завершились процессы образования наций современного типа и становление их государственности. Произвольно проведенные в советское время границы между республиками привели к тому, что естественные границы расселения народов были рассечены административными, получившими статус государственных. Объединенными в государства оказались национальные, религиозные и культурные общности, весьма далекие друг от друга. Потенциально это создает ситуацию всеобщего регионального конфликта, связанного с возможностью пересмотра существующих границ.

2. Восток в эпицентре мировых экологических, демографических и энергетических проблем

Экологические и демографические проблемы

Не менее острым вызовом является экосистемный кризис. По данным международного доклада «Оценка экосистем тысячелетия» (2005 г.), земная цивилизация уже перешагнула «пределы роста». Наиболее пострадали засушливые территории (90% приходится на долю развивающихся стран), составляющие 41% поверхности суши. Сейчас здесь проживают 2 млрд человек. Таким образом, «перекрещиваются» экологические и демографические проблемы.

Это важно. Наиболее быстро растет рождаемость как раз в самых бедных регионах мира (в Африке в 1970 г. проживало 5% населения Земли, в начале века — 12%, а по прогнозам, к 2025 г. — 20% численности — в условиях, ког-

да из 31 страны с наименьшим индексом развития человеческого потенциала 29 — это африканские страны). В результате резко возрастает «нагрузка на землю», происходит истощение почв и других невозобновляемых ресурсов, обезлесение. 15 из 24 экосистем, отвечающих за жизнь на Земле, серьезным образом деградировали, и большинство из них расположены в развивающемся мире.

В развитых странах появилась новая дисциплина — экологическая этика (область исследований, предметом которой является выработка нравственных основ отношения к природе в процессе ее использования). Его наиболее радикальное направление предлагает человечеству отказаться от господства над природой. Это свидетельствует о том, что на Севере начинается осознание существования экосистемного кризиса в мире, а экологические проблемы могут быть окончательно сняты лишь в глобальном масштабе: в границах национальной территории, да и в рамках континента, их нельзя решить. За последнее время произошел перенос «грязных» производств (а также трудоемких и энергоемких) из США и Европы в развивающиеся страны на основе деятельности ТНК либо долгосрочной контрактации продукции местных предприятий. Но это не привело к решению экологических проблем в зоне развитых государств. В Европе резко улучшилось качество воды и почвы, но климатические катаклизмы случаются все чаще.

Индустриальный путь, по которому идут Китай и Индия, приводит к жесточайшему нарушению экологического баланса. До последнего времени основным первичным источником потребления энергии в Китае и Индии являлся уголь. Но рост потребления этого источника практически невозможен. Так, во время сжигания угля для производства электро-

энергии образуется летучая зола. Азиатские гиганты занимают первые места в мире по этому показателю: ежегодно в КНР образуется более 120 млн т летучей золы, а в Индии — 80–100 млн т. В результате в двух странах идут кислотные дож-

ди, вызывающие крайне негативные последствия. Более того, другие государства (Япония, Южная Корея, Филиппины) уже зафиксировали на своих территориях кислотные дожди из-за загрязнения окружающей среды, вызванного сжиганием угля в Китае. Именно угольная промышленность КНР и Индии вызывает особое опасение международной общественности. Китай занимает первое место в мире по выбросам (более 10,4 млн т, более 25% от мировых выбросов), а Индия — третье, после США (более 2,5 млн т; 6,3% от мировых выбросов). Азиатские гиганты являются главными в мире загрязнителями почвы, воды и нижних слоев атмосферы (США — верхних слоев атмосферы).

Это интересно. В азиатских странах экологические кризисы случались еще в древности. Вырубка лесов началась в Индии и Северном Китае еще в III тыс. до н.э. (данная причина и засоление почвы привели к гибели древнейшей индийской цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппа, а Китай столкнулся с серьезными экологическими проблемами в V в. до н.э.).

Обращает на себя внимание негативное отношение всех трех стран к Киотскому протоколу. Западные политики и эксперты подвергают резкой критике политику азиатских гигантов в экосистемной сфере, отмечая, что быстрые экономические темпы развития азиатских гигантов — в условиях слаборазвитых и малоприменяемых ресурсосберегающих и природоохранительных технологий — ве-

дут к новому раунду увеличения нагрузки на природу, что может привести к полной деградации окружающей среды. Они полагают, что, если потребление в азиатских гигантах приблизится к уровню развитых стран, то не выдержит мировая экосистема. В свою очередь, в развивающихся государствах отмечают полное нежелание западного общества отказаться от своей экономической модели, основанной на консьюмеризме, т.е. на потребительстве и оценке потребительских благ как господствующих ценностей. Идеи экологической этики никак не реализуются на практике в развитых странах, тем более что активное «преобразование» природы и отсутствие связи человека и природы в единое целое имманентно присущи западному обществу.

Экосистемные проблемы в Азии пока ведут не столько к конфликтам между соседями, сколько к стремлению стран континента оказать содействие друг другу в экологической сфере, поскольку она не признает национальные границы. Такой же координации усилий требует и *распространение эпидемий*, которые регулярно вспыхивают в Азии.

Энергетические проблемы

Чрезвычайно быстрое экономическое развитие азиатских гигантов требует весьма существенного постоянного роста потребления энергии, поскольку лидеры развивающегося мира выбрали индустриальный путь развития. Экосистемные проблемы вынуждают отказываться от традиционного топлива (уголь) и особое внимание уделять нефтяной и газовой сфере. К тому же доля нефти в мировом потреблении энергии достигла в начале века 39%, а газа — 23%. В ближайшем будущем доля газа, без сомнений, будет возрастать, а доля нефти может уменьшиться, но не существенно.

После угля нефть является основным первичным источником потребления энергии в Китае. В начале 2000-х гг. на газ приходилось лишь 2,7% потребления товарных энергоресурсов производ-

ственного назначения, но значение газа очень быстро увеличивается. С 1993 г. Китай превратился в импортера нефти, и его зависимость от поставок нефти из региона все больше усиливается. В 2007 г. КНР импортировала уже 3,2 млн баррелей в день. По мнению Международного энергетического агентства (Париж), к 2025 г. на Китай будет приходиться 9% мирового потребления нефти, справедлив, и через 20 лет КНР будет вынуждена импортировать 7,5 млн баррелей нефти в день. По этому же прогнозу, потребление газа в Китае составит 3,5% мирового потребления газа к 2025 г.

На Индию приходится 12,5% потребления энергии в АТР, а доля газа и нефти составляла 42% потребляемой страной энергии. По оценкам, к концу четвертого века эта цифра может превысить 50%. По прогнозу Международного энергетического агентства, в 2025 г. ей понадобится потреблять 5,5 млн баррелей нефти в день и 3,4 трлн куб. футов газа. По оценкам индийского правительства, уже через три года стране придется импортировать 75% потребляемой в стране нефти. С начала века Индия начала импортировать и газ.

Нефть является главным источником энергии в Японии, которая импортирует более 95% от своих потребностей. По данным Международного энергетического агентства, Япония уменьшит потребление в относительном плане (по нефти — с 6,8% мирового потребления в 2005 г. до 5,8%), но в абсолютном — потребление будет по-прежнему очень велико. Всего, по прогнозу, средний ежегодный рост общего потребления энергии до 2025 г. составит в Индии 2,6%, Китае — 1,8%, Японии — 0,3%, а к 2030 г. Индия и Китай будут потреблять около 45% энергоресурсов мира.

У КНР есть определенные возможности нарастить добычу нефти и газа. У Индии таких возможностей меньше, а у Японии — нет никаких шансов. Но для всех стран зависимость от импорта бу-

дет возрастать, что подразумевает рост уязвимости от ценовых потрясений на мировом рынке и нестабильности поставок.

Более того, существует зависимость от одного региона мира — Ближнего Востока. На него приходится 76% общего импорта нефти странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Япония на 88% обеспечивает свои потребности в нефти за счет стран Персидского залива. Зависимость в импорте газа намного меньше (22%), поскольку 51% газа ввозится из Индонезии и Малайзии. На Ближний Восток приходится три пятых импорта Китая и почти весь импорт Индии. Подобная ситуация требует диверсификации ввоза углеводородов, поскольку азиатские гиганты становятся чрезвычайно уязвимыми, особенно из-за роста нестабильности на Ближнем Востоке.

События, развернувшиеся после 11 сентября 2001 г., демонстрируют жесткий вариант развития мировой системы. Иракская война 2003 г. подтвердила, что реальная политика США не имеет никакого отношения к борьбе с международным терроризмом, а направлена на обеспечение своей полной гегемонии в мире. Очевидно, что главной целью США было стремление обеспечить контроль даже не над иракской нефтью (11% мировых запасов), а над всем Ближним Востоком. Это даст гигантские рычаги воздействия на индустриально развитые державы и наиболее быстро развивающиеся страны Азии.

В случае неспособности США и мирового сообщества сдержать экстремистские настроения в регионе террористические атаки исламистских сил поставят под угрозу маршруты транспортировки нефти и газа, что крайне болезненно скажется на азиатских странах, импортирующих углеводороды.

Если же США поставят под контроль Ближний Восток, это приведет к новой угрозе для азиатских гигантов: Соединенные Штаты будут полностью контролиро-

вать энергетическую безопасность в Азии, что даст им возможность вынуждать страны придерживаться того внешнеполитического и внутривнутриполитического курса, который отвечает интересам Вашингтона.

Существует и третий сценарий в отношении Ближнего Востока: сохранение статус-кво. В результате начнется период неопределенности и периодически вспыхивающих спорадических конфликтов. Но в дальнейшем весьма вероятно, что события будут развиваться по первому или второму варианту.

Потенциал России и начало сотрудничества в энергетической сфере

Все три сценария требуют от азиатских гигантов действительно искать альтернативу региону, откуда импортируются углеводороды. Очень много внимания было уделено Центральной Азии. Оценки запасов нефти и газа в регионе, особенно в Каспийском море, крайне противоречивы. По всей видимости, внимание нужно обращать исключительно на разведанные доказанные запасы. Мировой уровень советской геологоразведки дает основание полагать, что наиболее рентабельные месторождения были известны к 90-м годам, и открытые в постсоветский период запасы нефти находятся очень глубоко, что и не вызвало интереса в советский период. Новых грандиозных открытий сделано не было. Так что в перспективе никакого превращения бассейна Каспийского моря в «новый Персидский залив» не произойдет.

Подобное не означает, что можно игнорировать возможности региона по добыче углеводородов, но питать особые надежды не следует. Одновременно обращает на себя внимание тот факт, что углеводородные ресурсы России нередко недооцениваются. В то же время потенциал РФ несравненно превышает потенциал Центральной Азии. На 13% территории Земли, в стране, где проживает менее 3% населения мира, сосредоточено около 13% мировых разведанных запасов нефти и 34% запасов природного газа. Ежегод-

ное производство первичных энергоресурсов в России составляет более 12% от мирового производства.

Россия за последние годы занимает по добыче нефти первое-второе место в мире вместе с Саудовской Аравией. В начале 2005 г. Министерство экономического развития и торговли РФ в своей среднесрочной программе социально-экономического развития на 2005–2008 гг. пересмотрела цифровые положения энергетической стратегии, принятой правительством 22 мая 2003 г. (согласно стратегии в 2010 г. будет добыто 490 млн т нефти и 665 млрд куб. м газа). Теперь по основному варианту должен произойти уже в ближайшие годы рост объемов добычи нефти до 500 млн т в год, а второй, или целевой, вариант предполагает увеличение объемов добычи нефти до 530 млн т за счет увеличения ассигнований на геологоразведку и интенсивную разработку месторождений.

Более скромные успехи достигнуты в газовой сфере. В прогнозе социально-экономического развития РФ на 2007–2009 гг., опубликованном Минэкономразвития России, отмечалось, что в 2007 г. в РФ будет добыто 668 млрд куб. м природного и попутного газа, в 2008 г. — 683 млрд куб. м, а в 2009 г. — 658 млрд куб. м природного и 47 млрд куб. м попутного газа. Прогноз оказался излишне оптимистическим: в 2007 г. произошло даже падение добычи газа (на 0,8%), но пальму первенства у России в добыче и экспорте газа не оспаривает ни одна страна.

Запасы натурального газа в Восточной Сибири и Дальнем Востоке весьма велики. Именно их следует оценивать в первую очередь, поскольку газопроводы из этого региона в Китай, Японию и Южную Корею будут экономически значительно более выгодными, чем газопроводы из Западной Сибири и Центральной Азии. Обращает на себя внимание постоянный рост доказанных запасов Восточной Сибири и Дальнем Востоке.

Для РФ также крайне важно диверсифицировать направления своего топ-

ливного экспорта. После расширения ЕС на его долю стало приходиться более 50% внешнеторгового оборота России, а основой российского экспорта являются именно энергоносители, преимущественно углеводороды. Европейский Союз опасается зависимости от России в данном вопросе и постоянно ищет альтернативу российским товарам. Россия тоже должна искать новые маршруты нефти и газопроводов — в восточном и южном направлениях, чтобы не оказаться заложницей Европы.

Долгое время потенциал России в энергетической сфере не был востребован азиатскими гигантами, в первую очередь по политическим соображениям. Так, еще в 1972 г. Москва предложила Токио построить нефтепровод из Западной Сибири до порта Находка, но японское правительство под нажимом Китая отвергло это предложение.

За последнее время сотрудничество начало развиваться, хотя очень медленно. Японские компании стали инвестировать в нефтегазовый сектор России. Начали прорабатываться возможности построения газопровода из России в Японию по дну моря по аналогу с «Голубым потоком» в Турцию. В 2001 г. индийская государственная нефтегазовая компания ONGC Videsh Limited заключила соглашение с «Роснефтью» об инвестировании 1,7 млрд долл. в разработку проекта «Сахалин-1». Начались переговоры о возможности поставок углеводородов по транспортному коридору «Север — Юг» (Россия — Иран — Индия). В 2003 г. российское правительство подтвердило решимость построить экспортный нефтепровод из Восточной Сибири на Дальний Восток «Ангарск — Находка» с ответвлением в Китай на Дацин, а окончательное решение о его создании было принято в конце 2004 г. В соответствии с решением правительства основным импортером нефти становится Япония.

В октябре 2004 г. в Пекине в рамках официального визита Президента РФ

Владимира Путина в КНР было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, предусматривавшее широкий спектр направлений сотрудничества, в том числе проработку вопросов, связанных с организацией «Газпромом» поставок природного газа из России в Китай. Для руководства работой по выполнению соглашения создан совместный координационный комитет, совместная общая рабочая группа и рабочие группы по основным направлениям сотрудничества.

К сожалению, на пути развития сотрудничества РФ с азиатскими гигантами в энергетической сфере существуют многочисленные барьеры. Парадокс ситуации заключается в том, что углеводороды из Сибири вывозятся в Европу, а не в Азию, которая является по крайней мере не худшим партнером, чем Европа; западные инвесторы проявляют большую активность, чем азиатские; инфраструктура Восточной Сибири и Дальнего Востока не развита, несмотря на огромный экономический потенциал.

В этом плане включение в макрорегион азиатской части России и Центральной Азии и всестороннее развитие энергетических связей позволит азиатским государствам добиться:

- диверсификации импорта газа и нефти, что позволяет повысить энергетическую безопасность;
- обеспечения большей независимости от действий мирового лидера;
- получения надежного поставщика в долгосрочной перспективе;
- роста коммерческой выгоды;
- улучшения экологической обстановки;
- углубления региональной интеграции.

Развитие кооперации с азиатскими государствами даст России возможность:

- развития крайне запущенной инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока;

— повышения жизненного уровня населения;

— налаживания континентального сотрудничества;

— превращения российского макрорегиона в реальные ворота в АТР;

— диверсификации направлений своего топливного экспорта.

Вместе с тем существуют две тенденции в политике государств АТР. С одной стороны, есть силы, стремящиеся к созданию макрорегиональной энергетической интеграции. С другой стороны, Соединенные Штаты подталкивают к созданию водораздела между импортерами и экспортерами углеводородов, и им удалось добиться определенных результатов. В декабре 2006 г. в Пекине состоялась первая встреча министров энергетики основных нефтепотребляющих стран (США, Китай, Япония, Индия и Южная Корея). Подобное разграничение импортеров и экспортеров негативно скажется на интеграционном развитии Азии. По-видимому, развитие ситуации в равной степени возможно по любому сценарию.

Одновременно в Азии наблюдается как конкуренция за доступ к энергоресурсам, так и стремление к совместным действиям. Китай, Япония и Индия часто воспринимают друг друга как соперников. Так, ответом Индии на проведение в Пекине в ноябре 2006 г. форума сотрудничества «Китай — Африка» стала организация в ноябре 2007 г. в Дели первой индийско-африканской конференции по углеводородам. Индийские эксперты и журналисты не скрывают, что Индия крайне заинтересована в доступе к центральноазиатским ресурсам и своим главным конкурентом считает КНР (интересно, что Россию Индия рассматривает как перспективного партнера в Центральной Азии). Вместе с тем экономическая конкуренция не перерастает по этому направлению в политическую, и существует в целом осознание взаимных интересов. Началось сотрудничество тех же Китая и Индии по конкретным проектам

в третьих государствах в энергетической сфере, а в январе 2006 г. было подписано специальное соглашение о сотрудничестве государственных компаний двух стран.

* * *

Создание многополярного и многоцивилизационного мира, по-видимому, является основным магистральным путем современного общества. Как было отмечено, цивилизационные особенности оказывают влияние на особенности моделей развития стран Востока. Вместе с тем, бесспорно, в мире существует и тенденция к созданию сложной системы межгосударственных отношений, построенной на общности экономических и политических интересов, а равно и на осознании заинтересованности в снижении остроты «общечеловеческих» проблем (экология, демография, «третий мир», предстоящая нехватка продовольствия и сырьевых ресурсов), хотя пока она проявляется, скорее, в виде деклараций о намерениях.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В какой период, кем и по каким причинам была выдвинута концепция «азиатских ценностей»?
2. Какая цивилизация демонстрирует наибольшую степень отторжения европейских ценностей?
3. Что является важнейшей целью террористической деятельности? (Приведите конкретные примеры.)
4. Какие виды конфликтов, этнические или конфессиональные, представляют на Востоке более острую проблему?
5. Какие страны Востока в силу особенностей выбранной ими модели развития создают серьезные проблемы для мировой экологической ситуации?
6. В чем проявляется проблема безопасности маршрутов транспортировки нефти и газа для азиатских стран, импортирующих углеводороды?

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект-пресс, 2007.
2. «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности / отв. ред. А.М. Петров. М. : «Гуманитарий», 2004.
3. Лунев С.И., Широков Г.К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М. : Academia, 2001.
4. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. Изд. 2-е, доп. М. : Восток — Запад, 2007.
5. Современные международные отношения и мировая политика : учебник для вузов / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004.

Дополнительная

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2004.
2. Восток — Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2002.
3. Глерию Широкову: Я хотел бы поговорить с тобой / отв. ред. А.М. Петров. М. : Гуманитарий, 2006.
4. Глобальное сообщество: новая система координат / под ред. А. Неклессы. СПб. : Алетейя, 2000.
5. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.
6. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2006.
7. Мировая политика : учебное пособие / под ред. С.В. Кортупова. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
8. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.
9. Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиция. М. : Книжный дом «Университет», 2000.
10. Панарин А.С. Политология: о мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999.

11. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002.

12. The World We Are Entering. 2000–2050 / Ed. By Immanuel Wallerstein, Armand Clesse. Amsterdam: Dutch University Press, 2002.

Интернет-ресурсы

1. Human Development Report 2007/2008. Fighting Climate Change: Human

Solidarity in a Divided World. UNDP. New York: Palgrave Macmillan, 2007 — URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_20072008_EN_Complete.pdf

2. World-System History: The Social Science of Long-Term Change / Edited by Robert A. Denemark. New York: Routledge, 2000. URL: <http://books.google.ru/books?id=SjpKFSq9VD0C&pg=PR19&lpg>